

„Отъ смерти бо къ жизни и отъ земли къ небеси“.

(Вѣнокъ на могилку Анечкѣ Прясловой, † 3 апрѣля 1916 года).

„Въ мѣръ скорбни будете“ (Іоан. 16, 33).

Нѣкую дивную пѣснь хочу предложить, взявъ въ руки не мертвую лиру, но, вмѣсто струнъ, натянувъ слово Божіе. Какъ на арфѣ ударяеть по струнамъ человѣкъ искусный и неискусный, но первый наводитъ воодушевленіе и утѣшеніе, а второй подавляетъ духъ и наводитъ скуку. Многіе знаютъ слово Божіе, но не все умѣютъ имъ пользоваться въ нужныя минуты душевной скорби и тоски. Это есть великое искусство и не всемъ доступное. Оно доступно только тамъ, гдѣ вѣра, благословеніе и помощь Божія. Богъ же благословляетъ только то, что само по себѣ носитъ добрую мысль и добрую цѣль. Неисповѣдимыми путями Промысла Божія совершается все въ нашей жизни, ибо сказано: „отъ Господа стопы человѣку исправляются“ (Псал. 36, 26). Жизнь каждаго чловѣка находится всецѣло въ рукахъ Божіихъ. Богъ даетъ чловѣку жизнь, Богъ посылаетъ ему и смерть. Въ продолженіе жизненнаго нашего поприща Богъ ведетъ насъ путями, вѣдомыми только Ему одному. Господь милуетъ и наказуетъ. „Господь мертвитъ и живитъ, низводитъ во адъ и возводитъ. Господь убожитъ и богатитъ, смиряетъ и выситъ“ (2 Цар. 2, 6). По слову Господа ни одинъ волосъ не спадетъ съ головы нашей безъ воли Отца Небеснаго (Матѣ. 10, 30), то есть ни одного самоналѣйшаго событія въ нашей жизни не совершается безъ соизволенія Божія.

Ничто такъ не печалитъ насъ какъ то, когда увидимъ во гробѣ прахъ юныхъ лѣторослей чловѣчества, кои едва начали расцвѣтать для жизни, какъ посякаются рукою смерти. Невольно подъемлень взоръ къ небу и сплншься узвать: „что сіе, еже о насъ бысть таинство“? Что и для чего наша жизнь, когда она посякается преждевременно? Что и къмъ управляется смерть, когда она посякаетъ свои жертвы какъ-бы

на-угадъ, безъ разбора? Гдѣ любовь и премудрость, благость и правосудіе Отца Небеснаго? Какое перо можетъ изобразить чувство безпредѣльной скорби, овладѣвающей сердцемъ родительскимъ, когда дорогое ихъ чадо, для котораго готовы бы были пожертвовать всею, опускается въ угрюмую могилу? Какъ пусть и ничтоженіе становится тогда для нихъ весь міръ съ его утѣхами! Какое горе, какъ бы оно ни было сильно, можетъ сравниться съ этимъ тяжелымъ испытаніемъ? Не истерзаны ли ихъ сердца, истекая кровью?! Но Господь, какъ всемогущій, всесильный и всевѣдущій, больше насъ знаетъ, когда и какъ и кого изъ насъ потребовать въ вѣчность. Главная цѣль Бога сберечь душу своихъ избранниковъ—жителей неба—для вѣчной жизни въ Царствіи Небесномъ. Въ числѣ этихъ избранниковъ была и Анечка Прясова, о которой хочу сказать нѣсколько словъ. Она была предопредѣлена Богомъ не для жизни на землѣ, а для жизни вѣчной на небѣ, какъ его любимая избранница. Счастлива и блаженна она, почивъ въ юности кончиною праведницы, съ твердой вѣрой въ Сладчайшаго Иисуса, ибо перешла „отъ смерти—къ жизни и отъ земли къ небеси“. Она, какъ предызбранная жительница неба, незамѣтно для ея самой и окружающихъ велась къ конечной цѣли, къ которой все мы предназначены Творцомъ.

Само небо ласкало ее въ своихъ таинственныхъ откровеніяхъ ободряло и подготовляло для перехода туда. Почившая хотя была дѣвочка, юная годами, но она глубоко мыслила и твердо въ простотѣ сердца вѣрила въ Бога и Его Промыслъ.

Печившая, горячо любимая своими любвеобильными родителями, невольно обращала на себя вниманіе, какъ избранница неба, перенесшая много различныхъ болѣзней съ безропотнымъ терпѣніемъ. Ея впечатлительная душа стремилась къ чему-то высшему, идеальному, стоя выше своего возраста. Ея кристально-чистая, дѣвственная душа, имѣющая въ себѣ Христа, оказалась достойной неба, а потому какъ благоухающій цвѣтокъ восхищена отъ земли въ райскій букетъ, дабы злоба не измѣнила ея разума и лести міра не прельстила ея чистую святую душу: „угодна бо Господеву душа ея, сего ради потщася отъ среды лукавствія“ (Прем. Сол. 4, 11, 14). Она уже избѣжала всѣхъ опасностей, которымъ мы подвержены, познала новое бытіе міра, котораго мы еще не въ силахъ познать. Но для горячо любящихъ родителей, оставшихся въ живыхъ, трудно описать, какъ тяжело и грустно видѣть бездыханной и безгласной свою единственную дѣвочку. Какое сердце въ силахъ не грустить, не тосковать и удержаться

отъ слезъ? Тяжело и скорбно билось ихъ сердце и трепещущимъ взоромъ смотрѣли они на лежащую во гробѣ свою милую птичку, духомъ улетѣвшую въ небесную высь. Разстаться съ любимой дочкой было тяжело и грустно, особенно для убѣленного сѣдиной воина-отца. Если они горячо любили свою дочку при жизни, для которой они готовы были отдать самую жизнь, то въ минуты грустнаго съ ней разставанья, она несравненно стала милѣе и дороже. Мрачна и темна казалась даль жизни для скорбныхъ родителей безъ любимаго существа. Но какъ ни тяжело было на ихъ душѣ, они вѣрили, что съ ними щить Вышняго и кровь Всемогущаго. Господь ихъ заступникъ и прибѣжище, на кого они уповаютъ и возлагаютъ всю свою надежду. Справедливо говорилъ св. Іоаннъ Златоустъ: „Нѣтъ ничего святѣе того языка, который въ несчастіяхъ благодарить Бога. Онъ, поистинѣ, ничѣмъ не отличается отъ языка мучениковъ и получаетъ такой же вѣнецъ, какъ и тотъ“. Они вѣрили въ Промыслъ Божій и сознавали, что море жизни коварно и затишье его обманчиво; его поверхность, спокойная и блестящая, едва зыблется легкимъ вѣтеркомъ, но оно скрываетъ въ своихъ нѣдрахъ бездны и его спокойствіе умножаетъ бури. Хотя прахъ любимой дѣтки заключенъ въ мрачной могилѣ, но сила ея душевной чистоты пребываетъ всюду съ знающими и помнящими ее. Вспоминая о ней, въ воображеніи ясно представляется образъ юной дѣвочки не отъ міра сего, съ блистающими проницательными глазами, задумчивыми и рѣдко улыбающимися. Глубоко вѣрится, что святая ея душа тамъ на небѣ молится Господу Богу за своихъ нѣжно любимыхъ родимыхъ родителей, за всѣхъ помнящихъ о ней и за всѣхъ скорбящихъ родителей, также теряющихъ своихъ любимыхъ дѣтей.

Съ начала войны почившая дѣвочка особенно много пережила, тоскуя о миломъ папѣ, находящемся на ратномъ полѣ. Она часто проливала дѣтскія слезы, умоляя Бога сохранить жизнь своего нѣжно любимаго отца. Бывало когда придешь навѣстить эту добрую благочестивую семью, то только и говорила почившая о своемъ папѣ, находящемся на ратномъ полѣ. Трогательно было смотрѣть на ея грустный дѣтскій взоръ. Она мысленно воображала тяжелую кровавую картину ратнаго поля и тѣ муки и страданія, которыя испытывали наши братья-воины. Ея дѣтская душа томилась и страдала, какъ душа горячо любящей дочери.

Вотъ одна изъ замѣтокъ ея на клочкѣ бумаги отъ 4 января 1916 года: „Томительно долго, тяжело намъ ждать миръ. Точно огромная, грозовая туча нависла надъ Европой эта страшная долгая война. Вотъ ужъ

скоро 1 $\frac{1}{2}$ года идутъ кровопролитные бои. Но я увѣрена, заблеститъ немеркнувшей славой солнце Россіи и оболетъ своимъ свѣтомъ черную тучу, которую разгонятъ вѣтры. Такъ смирится предъ нами антихристъ Вильгельмъ. Но нужно подождать и ждать намъ этого остается недолго, когда, наконецъ, мы раздавимъ проклятаго кровосійцу“.

12 марта она писала своей мамѣ: „Хочется васъ увидать, а нельзя. Пишу тебѣ стишки мои:

Тяжесть лежитъ на душѣ некрушима,
Грусть по родному дому мнѣ милому—
Матери, братьямъ, отцу!
Скоро-ль увижу всѣхъ васъ, мои милые,
Скоро-ль уймется тоска нестерпимая,
Скоро-ли буду у васъ“!..

29 ноября.

„Я только очень скучаю по моему родному дому и по всѣмъ вамъ и вечеромъ въ дортуарѣ, лежа въ постели, стараюсь припомнить лица моихъ дорогихъ. Теперь стала я писать немного стихотворенья, пишу, тебѣ одно изъ нихъ, не знаю какъ озаглавить.

„Какъ тяжело мнѣ жить на свѣтѣ,
Но я на Бога не ропщу,
Хоть часто голодень бываю
Хоть часто мерзну я зимою,
Дрожа въ своемъ сыромъ углу.
Мнѣ грустно лишь тогда бываетъ,
Когда мнѣ люди говорятъ:
„Мнѣ некогда теперь отстань, отлѣзь, уйди!“
О, если-бъ знали эти люди,
Что нужно мнѣ семью питать,
Старушку—мать больную,
Двухъ братьевъ, да сестеръ, да старика отца!
Но Богъ поможетъ мнѣ и, я надѣюсь,
Что милостью Своей Онъ озаритъ мою семью
И жизнь мнѣ новую пошлетъ“.

Осенью почившая поступила въ Московскій Институтъ, гдѣ ей не легко было первое время быть въ одиночествѣ, вдали отъ нѣжной родительской ласки. Душа ея томилась и тосковала, какъ бы чувствуя свой скорый переходъ въ загробную жизнь. Она писала изъ института 24 нояб-

ря: „Милая мамочка, возьмишь-ли ты меня на Рождество? Если нельзя, такъ что же дѣлать, придется остаться. Счастливы все вы! Папочка съ вами, а у меня онъ всего часъ просидѣлъ. Пишу тебѣ собственное стихотвореніе.

В Е Ч Е Р Ъ

Солнце зашло.

Надъ рѣкою садится туманъ голубой,

Плавно кружась надъ водою

Вѣлой бѣлѣтъ волной.

Тихо вокругъ все. Лишь слышно

Грустный напѣвъ вдалькѣ.

Ветлы сѣдя, качаясь, тихо

Шумять въ тишинѣ.

Въ небѣ ужъ звѣзды зажглись,

Нѣжно сіяя во мглѣ.

На четвѣртой недѣлѣ почившая приобщается въ церкви св. Христовыхъ Таинъ, а черезъ нѣсколько дней тяжелая болѣзнь застигла ее. Юная страдалица номѣщается въ больницу, гдѣ испытываетъ тяжелыя муки отъ болѣзни. Наконецъ, наступило роковое 3 апрѣля. Больная приобщается св. Христовыхъ Таинъ за часъ до кончины и въ 10 часовъ 20 мин. утра тихо отошла ея чистая дѣвственная душа на небо сопутствуемая ангелами. Нѣжно любящей дѣвочки не стало въ числѣ живыхъ. Она, сомкнувъ очи и уста, уснула непробуднымъ сномъ до трубы Архангела и уже не приласкаетъ своихъ нѣжно любимыхъ родителей. * Умолкли ея привѣтливыя уста. Она достигла „иного житія вѣчнаго начало“.

Да, она не умерла, а воскресла для вѣчной жизни на небѣ. Не говорите, что ея нѣтъ среди насъ! Она невидимо духомъ пребываетъ среди дорогихъ своихъ родныхъ, утѣшая и ободряя ихъ. Господь взялъ ея душу въ Свои небесныя обители для вѣчнаго житія съ Ангелами, какъ нѣкогда взялъ сына Клеопатры, почитавшей память мученика Уара. Какъ было открыто одному прозорливцу, какъ Господь послалъ за душой одного праведника сонмъ ангеловъ, а она не хотѣла пойти, боясь невѣдомой страны. Тогда Владыка приказалъ воспѣть и взыграть небесныя пѣсни и душа, усладившись, съ радостію оставила свою бренную земную храмину и пошла въ обитель Отца небеснаго, несомая ангелами.

Также мученикъ Уаръ явился къ Клеопатрѣ съ ея отрокомъ-сыномъ,

Аничка Пряслова
(† 3'апрѣля 1916 г.).

который, обнявъ мученика, говорилъ ему: „Нѣтъ, господинъ мой, не слушай матери моей не отдавай меня въ мѣръ, полный неправды и всякаго беззаконія, откуда я спасся, благодаря твоему заступничеству; не лишай меня, отче, общенія съ тобою и со святыми!“ Затѣмъ обратившись къ скорбящей и плачущей матери, жалобно сказалъ: „Что ты такъ плачешь мать моя? Я причисленъ къ воинству Царя-Христа и мнѣ дано право предстоять Ему на небѣ вмѣстѣ съ ангелами, а ты теперь просишь о томъ, чтобы взять меня изъ царства въ уничтоженіе!“

Итакъ, твердо будемъ вѣрить и уповать, что юная Анечка въ короткое время заслужила у Бога ту награду, которую немногіе удостоиваются заслужить долгими годами. Она перешла въ вѣчныя обители Отца Небеснаго; гдѣ ей уготовано мѣсто упокоенія и вѣчнаго блаженства.

Спи же, дорогая дѣточка, вѣчнымъ невозмутимымъ сномъ подъ сѣнью животворящаго Креста, а жизнь твоя да послужить для дѣтей путеводной звѣздой, какъ надо жить и Бога любить.

Игумень **Серафимъ.**

**Памяти нашей незабвенной дочки Анечки
ко дню ея рожденія 12 апрѣля 1916 года.**

*„Блажени яже избрахъ и пріяхъ
еси Господи...“*

Въ страстный четвергъ, 7 апрѣля 1916 года, мы схоронили на Пятницкомъ кладбищѣ нашу безгранично любимую единственную дочку Анечку. Словно вихрь налетѣлъ и унесъ отъ насъ въ нѣсколько дней эту жизнерадостную, щедро одаренную природой, талантливую дѣвочку, на которую столько надеждъ возлагали мы, родители ея, видя въ ней нашу радость и утѣху на старости лѣтъ.

Радостная пріѣхала я за ней въ Москву, взять ее на пасхальные